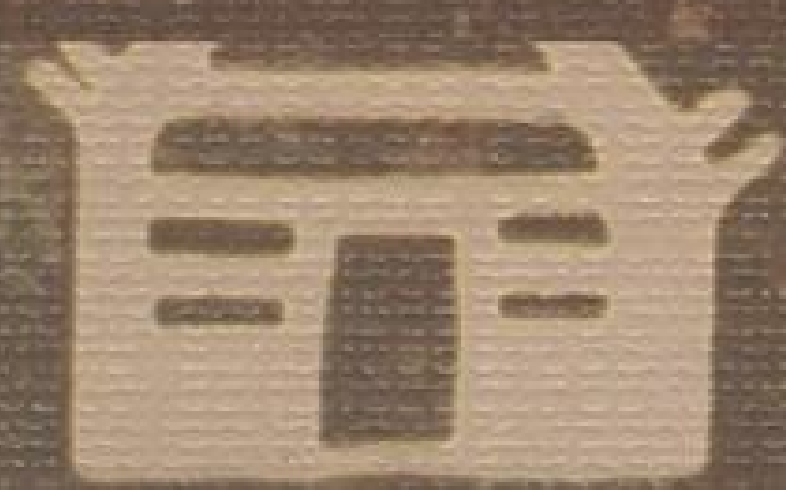

Ада чир-суу

О
Т
Е
Ч
Е
С
Т
В
О

Краеведческий альманах
Выпуск 2

УДК 908

ББК 63.3(2Рос.Хак)

А 28

*Издание осуществлено на средства
Министерства культуры Республики Хакасия*

Главный редактор засл. работник культуры РХ
В. В. Чезыбаева

Редакционный совет:

канд. философ. наук В. Ф. Буров,

д-р ист. наук В. Я. Бутанаев,

засл. работник культуры РФ Г. Я. Григорьева,

канд. ист. наук Л. В. Еремин,

чл. Междунар. союза славян. журналистов Ю. Т. Кудряшов,

канд. социол. наук В. М. Райс,

чл. Совета по ист.-культ. наследию при Министерстве культуры РХ И. И. Таштандинов

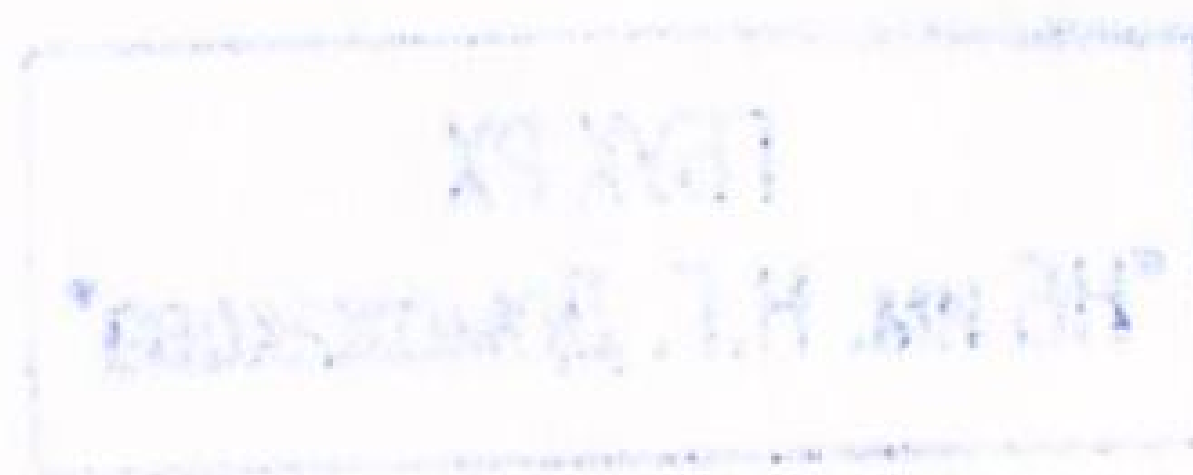
А 28 Ада чир-суу = Отечество : краеведческий альманах / М-во культуры Респ. Ха-
касия, ГБУК РХ «НБ им. Н. Г. Доможакова»; [ред. совет: В. Ф. Буров и др.,
гл. ред. В. В. Чезыбаева; сост. М. А. Аева]. – Абакан : [б. и.], 2013. – Вып. 2. –
240 с.: ил., [6] л. цв. ил.

Второй выпуск краеведческого альманаха «Ада чир-суу – Отечество» продолжает темы, поднятые в первом выпуске альманаха, изданном в 2011 году: история изучения Хакасии, этнографические изыскания, история сел, уникальная природа Хакасии, история родов, искусство, музейное дело, хакасский фольклор. Авторами выступают учёные и краеведы-любители Хакасии, других регионов России и зарубежья. Значительное место в альманахе уделено материалам из личных и государственных архивов, библиотек.

Альманах адресован исследователям и любителям истории Хакасии.

УДК 908

ББК 63.3(2Рос.Хак)

Бронтой БЕДЮРОВ

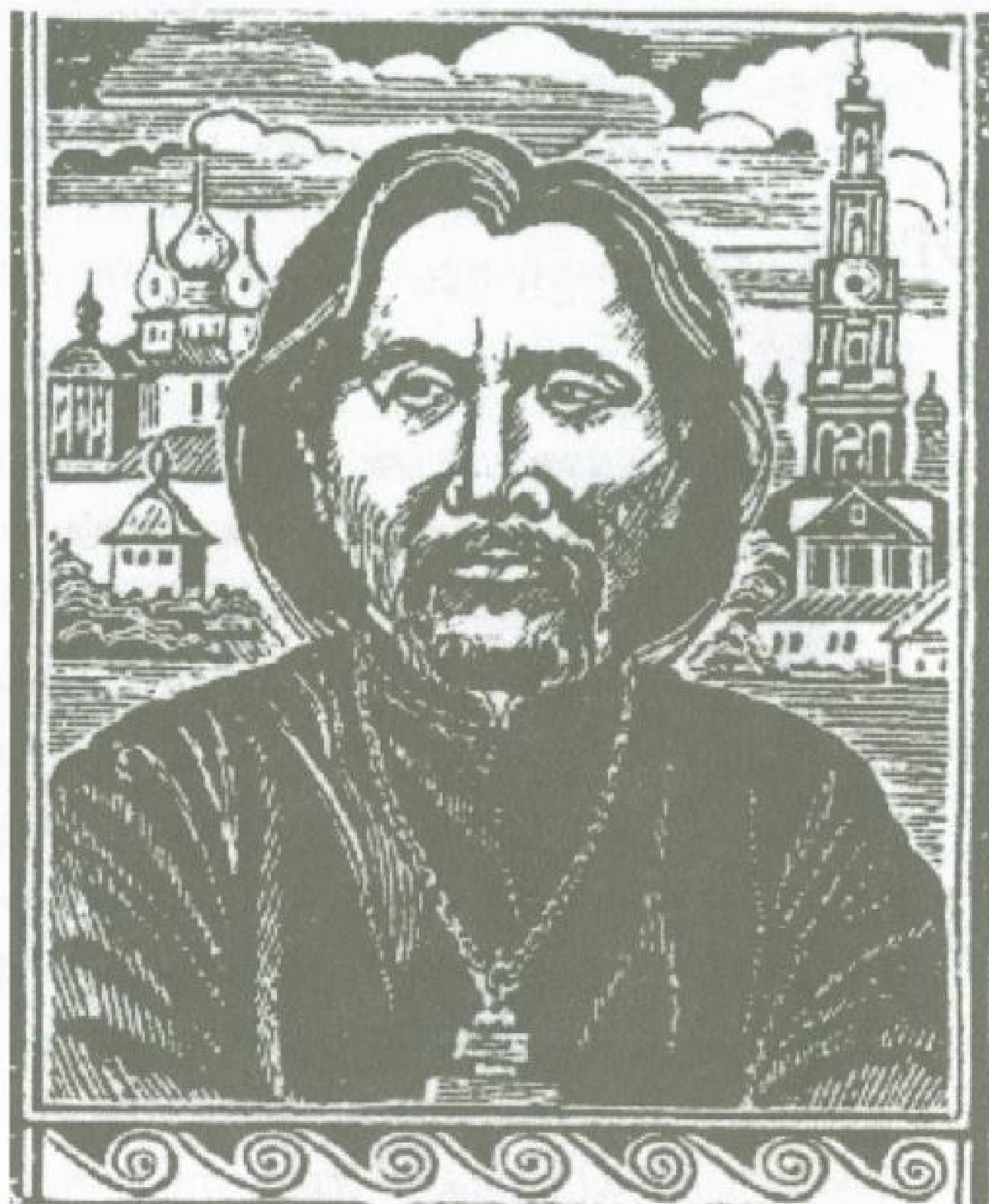
Бронтой Янгович Бедюров – известный писатель и общественно-политический деятель Республики Алтай. Окончил Литературный институт имени А. М. Горького и аспирантуру Института востоковедения АН СССР. Является председателем правления Союза писателей Республики Алтай, сопредседателем и секретарем правления Союза писателей России. Академик Академии российской словесности, действительный член РАЕН. В 2012 году избран Эл баишы – духовным лидером алтайского народа. В разные годы у писателя вышло несколько сборников стихов на алтайском и русском языках. Он также известен своими переводами на алтайский язык повестей Антуана де Сент-Экзюпери «Маленький принц» и «Земля людей», рассказов Рюноске Акутагавы, стихов Назыма Хикмета, Поля Элюара и многих других поэтов.

РАЗМЫШЛЕНИЯ СРЕДИ ЧЕРНЫХ ПНЕЙ В АБА-ЙЫШ

Предисловие к книге И. М. Штыгашева «Записки сына Том-Алтая»

Ранним утром 15 августа 1877 года старого стиля из улуса Матур по долине реки, поросшей дремучим лесом, выехал юноша. Путь ему предстоял вовсе неблизкий, по тем и нынешним меркам, за триста верст верхом за горы-хребты, разделяющие бассейны Оби и Енисея, соответственно рубежи Западной и Восточной Сибири, границы Томской и Енисейской губерний.

Юноше было 16 лет от роду. Ехал он на молодой малорослой лошади местной породы, которая, несмотря на опасения, не подвела. Ранее он не отлучался далеко за пределы родного улуса, не расставался с родными-близкими и не знал горечи разлуки сына с матерью. И вот пришло оно, это время, оставить ее, больную, старую, горячо любимую мать. Ему надо, необходимо было уезжать – нечто властное, неодолимое и неотступное побуждало его устрем-

*Житель Алтая, воспитанник Казанской
учительской семинарии, шорец,
Иван Матвеевич Штыгашев*

лять свой взор вперед, как бы ни было горестно, тяжело на душе. Оглянувшись назад он только на вершине, где с трепещущим от тоски и волнения сердцем простился с родным краем, отдав по обряду народному долг повиновения земным поклоном горе. Перед ним, взволнованным, изумленным, раскинулось необозримое пространство горных высот, похожих на морские волны. А в мыслях звучало напутствие-наказ матери: «Эзен бол, балам! Кудайбыла!» – «Будь здоров, дите мое! С Богом!»

И это материнское благословение, помогая, сопровождало ему всю земную жизнь. Весь дальнейший путь, несмотря на страхи и опасения, испытания и тяготы, оказался, как увидим, счастливым и успешным. Он благополучно выехал из темных кедровых лесов, где водились медведи, объезжая ко-

лодник и камни, топи и увалы, блуждая под проливным таежным дождем, проезжал через заоблачные горы, находясь временами между жизнью и смертью, и прибыл наконец к заветному месту – в школу, где ему предстояло учиться грамоте, обрести знания.

Юноша ехал вперед с именем Бога в душе и устах, и Он неуклонно вел его, помогая обходить препоны, преодолевать напасти и лишения. Все сложилось. Удачливая Судьба, приведшая его вначале в школу о. Василия Вербицкого в Кузедей, затем в Улалу, а из нее по дорогам и рекам Сибири и Урала в Казань, а оттуда в Москву и Киев, тем же путем, в конце концов, возвращает обратно в родной Матур, где он до конца дней своих учил-наставлял свою паству, став отцом народу-люду своему.

Этот юноша был Иван Матвеев сын Штыгашев. Через семь лет он изложит все это на белой бумаге, оставив на суд потомков и времени.

«Записки сына Том-Алтая» подготовлены к выпуску в связи со 150-летием Ивана Матвеевича Штыгашева, который вошел в историю алтайской литературы следом за М. В. Чевалковым как зачинатель нашей художественной словесности царского периода, как писатель-просветитель, учитель и священник. Перед нами, по сути, одно произведение, состоящее из двух частей, написанных в жанре автобиографического повествования в один и тот же знаменательный для его жизни и трудов 1884 год в г. Казани, в стенах православной учительской семинарии.

Как должно помниться нашим взыскательным читателям, еще в 1989 году в Горно-Алтайске на русском языке был издан составленный и подготовленный нами вместе со вступительной статьей однотомник алтайской художественной прозы царского периода под общим названием «Памятное завещание». Спустя целое столетие, по сути дела, заново были опубликованы произведения наших первых писателей: М. В. Чевалкова (в переводе М. Невского), И. М. Штыгашева (в оригинале).

Тем самым, наряду с другими забытыми именами наших предтеч, мы положили начало возвращению в литературу и культуру после длительного периода забвения, полного художественного небытия имя и творчество И. М. Штыгашева. Это был замечательный самородок, человек острого, пытливого ума, глубокой внутренней культуры. Его природный талант, помноженный на христианские добродетели и образованность, дал добротные плоды. Талантливый публицист и лингвист, он отменно владел шорским, сагайским и алтайско-телеутским наречиями родного тюркского языка Алтая, а русский был языком, на котором он писал и творил. Его активное участие и содействие своему первому наставнику и учителю В. И. Вербицкому в составлении и собирании лексики и последующем печатании в Казанской типографии знаменитого «Словаря алтайского и аладагского наречий тюркского языка», классического труда, вошедшего в золотой фонд тюркологии, не оценены достойно нами, потомками, по сей день, так же, как и значение переложений им христианской

литературы с канонического алтайского на шорское и сагайское наречия, а тем самым разработки и закладывания им основ письменной литературной традиции для будущих хакасов и шорцев.

В «Очерках истории хакасской советской литературы» (1985) И. М. Штыгашев не упоминается ни как писатель, переводчик, ни как учитель и просветитель, ни тем более как священник. А между тем он начинал свою деятельность на стезе просвещения, науки и образования значительно раньше, нежели более известные и знаменитые в тюркологической среде ученые – выходцы из «абаканских татар» – Н. Ф. Катанов и С. Д. Майнагашев.

Наши публикации современного периода – это и есть новое открытие писателя-просветителя, обретение заново его творческого наследия, требующие правильного прочтения, осмысления и изучения жизненного и духовного подвига И. М. Штыгашева с высоты нашего времени. А это в свою очередь позволяет убедительно расширить представление о нем как о фигуре, объединяющей собой близко родственные этносы – алтайцев, хакасов и шорцев, разделенных в 20–30-е годы прошлого века, помимо их воли и желания, на три разных народа.

По отцу – кара-шор, по матери – сагай, он явился в миру как алтайский писатель, а в наши дни его следовало бы признать также в равной степени и хакасским, и шорским духовным и литературным деятелем.

Поучительно и похвально то, что для него понятие «алтайский» носило намного более широкий характер и обобщающий

смысл, нежели современное, в этноязыковом отношении умышленно заууженное значение. Мы еще раз убеждаемся в том, насколько прозорлив был основатель Алтайской духовной миссии архимандрит Макарий Глухарев и ее последующие деятели, избравшие телеутскую Улалу не только административным местопребыванием, но прежде всего духовно-культурным Центром своего учреждения, а телеутское наречие в качестве литературного языка и введение его под названием общеалтайского в обиход для всего региона с близкородственным по языку и происхождению коренным тюркским населением, но не имевших единого административного устройства и проживавших раздельно в Бийском, Кузнецком и Минусинском уездах, в границах Томской и Енисейской губерний.

Публикуемые материалы И. М. Штыгашева удалось отыскать только весной 1989 года. Первые сведения о нем, точнее, лишь упоминание его в общем ряду как одного из первых алтайских писателей мы встречаем в работах Н. А. Баскакова, Л. П. Потапова и, пожалуй, все. Он — писатель поистине забытый. Позабытый вдвойне. Замалчиваемый как священник, религиозный деятель в течение всего атеистического периода. Как алтайцами, к которым он себя по праву причислял, так и шорами, и сагаями, к которым он по роду-племени принадлежал.

Но прервавшиеся, не успев развиваться, традиции шорской письменной литературы, бедственное, трагическое положение североалтайских, измельчавших в условиях

индустриального Кузбасса, этносов создали такое обстоятельство, что некому вспомнить о нем, вернуть из небытия его духовно-творческое наследие. А наши алтайские, хакасские исследователи, литературоведы, писатели прошли мимо, так и не упомянув его ни разу в своих работах, видимо, лишь в силу элементарного незнания и неведения о наличии в нашей общей культурной истории столь примечательной личности.

Но это ведь очевидный факт, что шорцы в XIX — начале XX века, особенно до и после образования Ойротской автономной области, осознавали себя как отрасль алтайского народа, как его субэтнос, стремясь объединиться в едином национальном теле, что вполне соответствует истине. К сожалению, их послереволюционные чаяния и стремления в 20–30-е годы XX века к объединению не осуществились. Не случайно во главе национальных движений и административно-политического, культурного строительства в автономной Ойротской области поначалу стояли именно они, телеуты и шорцы, воспитанники и питомцы Алтайской православной миссии, как более образованный тогда русскоязычный авангард алтайского народа. И впоследствии, после того как большевистская власть обкорнала обширный Проект Ойрот-Хакасской республики и оставила усеченную Ойротию в статусе автономной области, их, и без того малых и слабых, стали выделять в особую шорскую народность, прекрасно понимая и предполагая всю тупиковость и бесперспективность подобного решения.

И тем не менее надо признать, да, несмотря ни на что, на все эти, скажем, страшные издержки и произвол, в виде Горно-Шорского национального района в свое время все-таки были созданы некоторые предпосылки для национального развития Кузнецких тюрко-татар как самостоятельной народности. Но с ликвидацией автономии в 1939 году все постепенно кончилось и заглохло. Перестали издаваться книги, выходить газета, закрылись национальные школы, прекратили системно готовить и растить национальные кадры во всех сферах общественно-политической, административной и культурной жизни. Ныне «Горная Шория» – это всего лишь географическое понятие в пределах Кемеровской области, подобно, впрочем, искусственному обозначению некогда и нашей автономной области как Горно-Алтайской, без этнического, национального знаменателя. Проницательный читатель, видимо, обратит внимание на синхронность ликвидации Горно-Шорского национального района с переименованием Ойротской автономной области в 1948 году с некоторой отсрочкой ввиду начавшейся Великой войны. Ныне это очевидно как никогда.

Так, если Горную Шорию удалось ликвидировать, то, в нашем случае, между противоборствующими силами, видимо, был достигнут некий компромисс: область сохранилась как автономная, правда, без национально-этнического, политико-исторического обозначения. Подумать только, какая нелепость: разве существуют в природе другие, степные «алтайцы», если нас обозначать как «горноалтайцев»? А

было ведь! Целых 44 года. Кстати, очень многие демагоги от политики, их прислужники от науки глубоко заблуждались, возмущаясь и подстрекая «племенных» сепаратистов, что-де «алтайцы» тоже не соответствуют общему названию нашей нации, поскольку «алтай-кижи» называют себя только в нескольких районах. Но кому в самом деле непонятно, тем следует грамотно, доходчиво объяснить: название «алтай улус» необходимо переводить не как «алтайцы» в этническом смысле, а как «Алтайский улус» в политико-административном понимании применительно к государственному устройству Ойротского Союза или Джунгарии. Это наименование мы получили в связи со своим высоким статусом союзного, корпоративного тюркского народа среди разноплеменного тюрко-монгольского населения этой страны. И еще прежде всего от того, что занимали испокон веку всегда исторический Алтай, в основном его срединный регион по притокам и верховьям рек Иртыша и Оби. Именно оттуда, из юго-западных районов Алтая, произошел наш вынужденный исход в эпоху маньчжурско-джунгарских династийных войн, завершившихся крушением Ойротии как самостоятельного государства, население которого подверглось разорению и истреблению, а территория была разделена между двумя империями – Китаем и Россией.

Именно с Южного Алтая, который именуется нашими предками не иначе как Буурыл-Токой Алтай (ныне эти земли относятся к Алтайскому, Тарбагатайскому округам-аймакам СУАР КНР), мы пере-

двинулись затем на север к тогдашней русской границе по Колывано-Кузнецкой пограничной линии, огибавшей Алтай дугой от Кузнецкой крепости до Усть-Каменогорской. Посмотрите, сколько осталось наших этно-исторических земель ныне за пределами Республики Алтай! Именно те роды-племена алтайских тюрков-ойротов, что уцелели от резни, разора и переселения на чужбину, и составили впоследствии территориально-племенное объединение «Алтайский улус». Так обозначали люди свою государственно-административную принадлежность к державе Ак-Каана, Белого Царя. Разве не очевидна соборная целостность алтайцев как тау-телеутов, степных (ак) телеутов, кёк сойонов, высокогорных улаганцев, чуйцев – южных теленгитов, если принять во внимание данные родоплеменного деления, языка, культуры и быта, религии и фольклора, уж не говоря о единстве этногенеза, явственно прочитываемом вплоть до хуннско-скифского времени на Алтае, то есть до начала нынешней эры и даже несколько ранее? Новейшие данные археологии, историографии отодвигают эту дату еще глубже. Взять, например, во внимание открытие новосибирского археолога В. Д. Кубарева в с. Каракол в 1985 году. И в полном соответствии с историей находится глубинная этногенетическая родственная связь меж собой всех племен не только Алтая, но и в целом Юга Сибири, а если брать шире, то и тюрков-урянхайцев Монголии. И через них выходим на более обширные ареальные связи не только с монгольским, тунгусским, самодийским, но и

финно-угорским элементом нашего Континента. В алтайском языке имеется редкостный, почти забытый термин «угур», что означает «сосед» и прямо указывает на былые, древние контакты с коневодами-уграми.

Откуда ж взялись тогда непрестанные и, увы, бесплодные поиски «глубоких различий» между алтайцами северными и южными? Как и между западными и восточными бурятами, между разными этно-территориальными группами татар? При чем интенсифицировались эти «поиски» именно с конца 1930–1940-х годов, когда в отношении целых народов совершались неслыханные произвол, насилие и преступления в виде репрессий, ссылок, депортаций, ликвидации их автономных и национальных образований.

А мотивацию нашли в не выдержавших испытания временем ложных концепциях и устаревших классификациях ученых XIX века. Разве не равносильны подобные затеи определению различий между северным и южным склоном одной и той же горы? Ясно, что северный склон порос лесом и там стоит зверь, там обитает охотник-анчы. А на южном склоне, солнцепеке, пасется скот, там человеку сподручней быть скотоводом-малчы. Но это одна Гора, это один Алтай, и люди в нем – дети одного народа, в силу специфики природно-климатических условий занимающиеся соответственно различными занятиями, что создает в конечном счете особенный хозяйственно-бытовой уклад. Что касается отличий в диалекте, так это как раз подтверждает истину о том, что они части одного единого

этноса алтайских тюрков. Миссионеры это понимали прекрасно. Как раз большая архаичность лексики, грамматических форм языка у северных лесных племен (йышкижи) Алтая находится в полном согласии с особенностями исторических перипетий смежной с Алтаем территории Центральной Азии и труднодоступными условиями великой горной тайги – Аба-йыш, куда легче было отступать, хорониться и уцелеть в период межплеменных столкновений, войн между ордами и династиями, в условиях длительного анабиоза и политической деградации. А разве исконное занятие абаларов кузнечным, металлургическим делом наряду с охотой, за что они получили у русских название «кузнецких людей», а сама земля – Кузнецкой, не подтверждает того факта, что алтайские тюрки так же, как их хуннские предки, до выхода на арену истории в VI веке занимались кузнечным делом и платили дань абарам – жуань-жуаням железом?..

...Трагедии шорского субэтноса предшествовало и то, что в царское время они находились с нами, хоть и рядом, но не вместе, не в границах единого административного округа. Тюркское население Кузнецкого уезда еще не осознавало себя единым массивом, распадаясь на две основные группы – «абаларов» на севере и «шоров» на юге. Кстати, надо отметить, что шор, или чор, – это название всего лишь более крупного, относительно многочисленного рода у этой этнической группы. Оно, подчеркнем, с подачи его проводника-переводчика М. В. Чевалкова было введено В. В. Радловым в научно-классификацион-

ный обиход как обозначение данного лесного этноса, что было не очень удачной находкой. В свое время, в голодные годы, часть шоров зачастую переселялась к родственным им сагаям, в Абаканскую степь, оттого ныне в составе современного хакасского народа в Таштыпском и Аскизском районах имеется подразделение «шор». Языковая, этническая близость с сагаями привела их к быстрой адаптации в составе данной территориально-племенной группы хакасов.

Такое наблюдалось в свое время и во Внутреннем Алтае. Так, Г. Н. Потанин еще в 1879 году отмечал, что в одном и том же ущелье можно встретить представителей различных сеоков-родов, которые, в отличие от казахских и киргизских родов, не всегда живут-кочуют вместе. Правда, он, видимо, не задумывался над тем, что такая территориальная чересполосица и смешение различных сеоков в горах Алтая произошли в относительно недавнее время, лет за 100 перед этим, а именно после падения Джунгарии, когда каждый спасался как мог – поодиночке, группами или же целыми родовыми подразделениями. В результате этого в составе исконно тюркских отоков Алтайского Улуса оказались даже вкрапления ойротских родов, как дорбет, байат, чорос, ара, чагандык (цаган+туг), байлагас, могол, торо, меркит и другие.

После включения Танну-Туву в состав Цинской империи и монголизации в этноязыковом отношении восточных, приалтайских теленгитов – «алтайских урянхайцев», захчинов, олетов, мунгатов и других

групп – во времена народных восстаний, смут, волнений, а также в период частых голодов через границу из тогдашней Халха-Монголии, находившейся в составе цинского Китая, зачастую пытались прорываться, иногда довольно успешно, группы смельчаков-сородичей, а то и просто алтайских сеоков, оказавшихся разделенными по обе стороны русско-китайской границы. Наличие в составе как алтайцев, так и тувинцев, а также алтайских урянхайцев-теленгитов Монголии одних и тех же сеоков, таких как иркит, сойон (соян), коболы (хобалык), мунгат, тумат, тодош (тодут), чапты (чептей), тонжоон (тонгак), тангды, саал, тас-кёбёк, моол-кёбёк, тёёлес (тюлюш), кёк или комды-сойон (комдош), ак-сойон и ряда других, объясняется как этими обстоятельствами, так и, в меньшей степени, более ранними этногенетическими связями.

Несомненно одно: знаменатель, основной субстрат нынешних алтайцев (алтай-урянхай, телег) и тувинцев (тангды-урянхай, сойон) един – это так называемые монголами и маньчжурами «урянхусы», или урянхайцы, этноним, точнее, этническое прозвище, которым сами себя тюрки Центральной Азии, а тем более Алтая никогда не называли. Прозвание это появилось в средневековую эпоху, уже на заре складывания общемонгольской государственности. В «Сокровенном сказании монголов» кузнец, обратите внимание, кузнец (!) Джарчиудай приводит своего сына для службы и дружбы к Темучину – будущему Чингис-хану. В качестве самоназвания слово «урянхай» укоренилось в

последующие времена только у монголизированного по языку тюркского населения Западной Монголии и Алтайского округа в Китае, населяющего ныне юго-восточные склоны Алтая, что лишний раз подтверждает правомерность данного суждения. Это не этноним, а «прилепленная» к народу кличка-прозвище, такое же, как и «калмак» (мусульм.), причем (некогда) с неким уничижительным, очевидно, оттенком.

А если привести для сопоставления этнонимы «туба–тува–тыва–тофа» в приложении к населению приалтайской лесной зоны Южной Сибири, то увидим следующие аналогии. По языку этот массив племен относится к уйгурской (восточно-хуннской) группе тюркских языков. Но ведь в субстрате древних уйгуров, как это общеизвестно, лежат теле, чьими прямыми потомками являются алтайские тау и ак-телеуты – теленгиты. Известно также, что предки якутов назывались урянхай-сахалар, что означает «окраинные урянхайцы», либо еще точнее, «урянхайские украинцы». Саха – это окраина, край, предел. Оттуда в другом диалектном звучании выходит «яка», – во множественном числе якут, сравни захут, бурятское название своих якутских соседей-родичей.

Из древнекитайских летописей о происхождении уйгуров сказано, что одно поколение их по выходе из Монголии поселилось по Иртышу, откуда, разойдясь по Алтаю, занялось таежной охотой, коль скоро природные условия способствовали именно такого рода занятию. Основная часть уйгуров (телелер, или телехтер) занимала территорию нынешней Халхи (Северная

Монголия) 3 тысячи лет, в основном регион вокруг Хангая, а еще ранее и земли к югу от Гоби и, естественно, были настоящими скотоводами. Вот они-то и были той самой воинской массой, или этносоциальным сословием, «силами которых тюрки геройствовали в пустынях севера», как сообщает китайская летопись Тан-шу.

Алтайцы-кочевники называли всех своих лесных сородичей – туба (во множественном числе тубалар), а те себя именовали по местожительству «Йыш-кижи», что означает «лесные, таежные люди», или «Черневой улус» – «Йыш-улус», в отличие от горно-степного «Алтай-улус». Подразделялись же сами между собой по родоплеменным, территориальным группам и подразделениям: шор киж, куу-киж, туба-киж (с реки Туба), йюс-киж (с реки Июс), тиргеш, комнош (комдош – с реки Комду, по-монгольски Кобдо), кузен, кубанды, аба-киж, а соседние, телеутские в основном, группы назывались также по рекам и горам, как маймалар, байаттар, чумыштар, алтайлар, томдор, барабалар. То же самое обозначение было в обиходе и у юго-восточных горцев-телеутов – теленгитов, которые именовали себя по местожительству как чуй-киж, улаан-киж, чолушпа-киж, то есть Чуйские, Улаганские, Чолушманские люди и т. д.

В понимании населения Центрального и Западного Алтая вся горно-лесная территория, лежащая к северу от правого берега Катунь вплоть до Красноярска и Томска, именовалась не иначе как «Аба-Йыш».

Стоит обратить внимание также на этимологию названия реки Абакан. Кузнецкая

земля была неспроста прежде всего занята русскими казаками в начале XVII столетия. Ее коренное население было покорено вооруженной рукой после длительного сопротивления и обращено в ясашных людей, т. е. податных охотников. Их славная и богатейшая тайга в течение двух столетий обеспечивала европейскую торговлю московских царей, поставляя отменную мягкую рухлядь-меха – тогдашний эквивалент валюты.

И оно же, это абаларское население, с незапамятных времен обеспечивало металлическими изделиями различных центрально-азиатских владетелей, от которых находилось в постоянной вассальной зависимости. Подобное положение сохранялось вплоть до падения Ойротского государства. Практически полтора столетия «кузнецкие люди» находились в двойной зависимости – от томских воевод и ойротских зайсанов, представлявших соответственно интересы московского царя и джунгарского контайши.

Кузнецкая земля по-алтайски именуется не только Том-Алтай. Знали ее наши предки и как «Аба Йери», «Аба-тура алтайы», ее жителей называли «абалар». В историческом предании, бытующем до сих пор у населения Улаганского и Кош-Агачского аймаков, предводитель их аристократического рода ак-кйбйк называется Аба-Ярынак. Причем говорят, что было два Ярынака, один первопредок, а другой потомок прозван в его честь. В сбереженной народной памятью песне Ярынака упоминаются реалии кузнецкой и томской земли, как места его исхода:

– Аба-Тура алтайда
В Аба-Туринском Алтае
– Ару алтын артып калт.
Чистое золото осталось.
– Том-Туралу алтайда
В Том-Туринском Алтае
– Тонг алтыным артып калт.
Цельное золото осталось мое.
С. Д. Куюков, с. Улаган, 1980 г.

Как видим, опять же «аба-туринский алтай», иначе говоря, по городу-центру «Аба-туринская», или Кузнецкая земля.

То же обозначение встречаем в «Памятном завещании» М. В. Чевалкова в эпизоде, когда, осерчав вследствие твердости «языческих» убеждений Андраша, отца Киприйена, о. Макарий гонит того вместе с сыном восвояси, в «их аба-туринскую землю», то есть в Кузнецкий уезд, к телеутам в Байат.

Итак, абалар. Какова этимология этого этнонима? В аладагском наречии, то есть в шорском, «аба» обозначает почтительное прозвание медведя – батюшка, отче. В телеутском наречии «аба» – это еще и почтительное обращение к отцу. Аба – это дяди по отцовской линии, отсюда и «абай» у южных алтайцев и казахов. Тот же смысл заключен и в речи современных тадархакасов.

Так как же все-таки точнее – Медвежья чернь-глухомань или Мать-отец тайга? Вполне логично. Но мы не будем спешить с окончательным выводом.

Момент второй. Предгорные, двоеданческие (с точки зрения томских и кузнецких воевод), волости алтайцев обознача-

лись в документах XVII столетия как «тау-телеутские», что означает «горно или алтайско-телеутские», в отличие от ак-телеутских – степных сородичей районов бассейна Верхней Оби, располагавшихся по рекам Чумыш, Байат, Томь. В современном алтайском наречии «гора» произносится не «тау», что характерно для кыпчакско-татарских языков к северу и западу от Алтая, а «туу». Для сравнения, по-киргизски – «тоо». В аладагском наречии сохранилось древнее «таг», синонимичное древнеуйгурскому, тувинскому и западно-тюркским, огузским – турецкому, азербайджанскому, туркменскому, гагаузскому – «даг».

Что если попробуем сопоставить: туу+аба=тууаба? – Туба?! Не выходит ли, что в результате стяжения образовалось «туба», как обозначение абаларов, проживавших в черневой, горно-лесной зоне? Ведь ойротские сборщики дани, среди которых зачастую были представители так называемых в ту пору «кан-каракольских калмыков», т. е. предки этнических алтайцев юго-западных районов Алтая, всех лесных людей без разбору рода-племени в просторечии именовали «туба», а не только настоящих тубаларов, – шоров, кубанды, куу-кижи — лебединцев и даже современные хакасские племенные группы. Значит, абалары каким-то образом отличны от тубаларов? Но чем же? Абалары живут в северной, низинной части Кузнецкого Алатау. Уверяют историки и лингвисты, что по языку и происхождению они ближе к байатским телеутам, нежели к шорам, хотя и пишутся ныне все скопом шорцами.

Необходимо при этом вспомнить высказывание В. В. Радлова о барабинцах, о том, что их деды еще в недавнее время одевались совершенно по-алтайски, т. е. по-телеутски, и жертвенные обряды отправляли точно таким же шаманистским образом, как и телеуты. Далее он подчеркивает, что язык и верования так называемых барабинских и других сибирских татар обличают их ближайшее родство с алтайцами-телеутами. Вот так.

В составе алтайцев Майминского, Чемальского, Шебалинского районов, по долине р. Себи, чьи предки не так давно проживали в междуречье Бии и Катунь, представляющих, несомненно, поднявшихся вверх по Оби группы исторических телеутов, изредка встречается род «улюп» (юлюп). Род, как утверждает Л. П. Потапов, сомнительного происхождения, нигде родственников этого небольшого рода им обнаружить якобы не удалось. Между тем именно в составе барабинцев имеется группа по названию «любей». Видимо, часть этого рода и была втянута в движение вверх по Оби отходящими вглубь Алтая телеутами. Так, среди тонгжанов имеются «суу-тонгжаны» и «туу-тонгжаны». Говорят, что первые пришли вверх по Оби, занимаясь рыбной ловлей, это речные тонгжаны. «Туу-тонгжаны» так прозваны будто бы потому, что они по горным хребтам перебрались внутрь Алтая с берегов Иртыша. Это горные тонгжаны.

Теперь подумаем об этнониме «бараба». Кажется, состоит он из двух составных частей. В конце явно слышится и произносится «аба». Что же означает первая, опре-

деляющая часть? «Бар» – это барс или тигр. Барсовые? Тигрины? Барсоловы? Конечно, нет. «Бар», во-вторых, означает «имеющийся», «есть». И такое чисто лингвистическое, слуховое определение тоже не подходит.

Западная сторона по-монгольски «барун». Но почему монгольский этноним у тюркоязычного рода? Хотя барабинцы по отношению к абаларам и телеутам как раз обитают западнее. Вполне заманчиво предположить: «бараба» – это западные, степные абинцы, и на этом удовлетворить любопытство в разгадке этнонима Барунаба. Только так ли это на самом деле?

Имеется еще один этноним. Средневековый, монгольской эпохи. Там и упоминаются «баарины». Кстати, ведь их потом, после присоединения «лесных народов» к Монгольскому Улусу, укрупнили «до тьмы» вместе с тёелесами и теленгитами под началом Хорчи-нойона в 1207 году. Очень возможно, что «баарин» имеет отношение и к русскому сословному термину – барин. Вспомним, как упорно сопротивлялись ойротские власти против захвата территории Барабинских степей и присоединения ее населения к Русскому государству, уверяя, что это, дескать, наши близкие, родственники ханской династии, их племянники.

Быть может, и барабинцы имеют отношение к этим бааринам? Бааринские абинцы? Барин-аба. У теленгитов имеется раздел: моол-кёбёк – могольские, или монгольские, кёбёки. У алтайцев: казак-кыпчак – казахские либо казаки-кыпчаки, то есть указывается этносоциальное происхождение.

ние того или иного рода, если оно инкорпорируется, присоединено или включено в основной, принимающий род. Еще пример, попутный, — котон-кыпчак. Хотанский кыпчак, или напрямую хотанец, чей предок невольным образом когда-то попал на Алтай к кыпчакам.

Таким образом, получаем ряд: аба — туба — бараба.

Но почему все-таки «абалар» — абинцы. Возможно, это в свою очередь обозначение, признак свойства, родства. Ведь печенеги по-тюркски, по-половецки, обозначаются попросту «баджанак» — свояки, т. е. племя, которое им доводится в качестве свояков. Тогда почему бы «абаларам» не являться по отношению к какому-то «другому» племени отцами либо дядьями? Скорей всего, так оно и есть. Так их могли называть лишь те, по отношению к которым они находились в порядке старшинства, первородства, либо являлись более древними по происхождению, как отцовские братья.

Есть у них и род «кобий», весьма и весьма напоминающий «ковуев» древнерусских летописей. Есть род «кызай», ныне имеющийся в составе племени казахских абак-кереев в Китае, Или-Казахском, Тарбагатайском округах Синьцзяна, т. е. в центре земель бывшего Ойротского государства.

Да и сам этноним «чор», или «шор», требует самого тщательного сопоставления как с киргизским термином «чоро», так и с ойротским династийным родом «чорос». Такое рассмотрение может пролить свет на загадочное по сей день происхождение

ойротов, язык которых существенно отличался от монгольского еще в XIII веке. С учетом того, что начиная с XII века на склонах Алтая пошло интенсивное смешение тюркского и монгольского языкового элементов, необходимо развернуть всю энтогенетическую панораму тюрко-монгольского взаимодействия в пространственно-временном измерении.

Специалист по этнической истории шорцев В. М. Кимеев называет «собственно шорской» только южную этнографическую группу в составе шорского субэтноса, тогда как северная группа раньше имела самоназвание «абалар». В дореволюционный период у этих групп, по его мнению, не было этнического самосознания и общего самоназвания.

Северная группа абалар суть телеуты, утверждает Л. П. Потапов, много сил и времени отдавший изысканиям в области этногенеза алтайцев, шорцев, хакасов, а также тувинцев.

Тогда выходит, что абалары — связующий компонент алтайцев и аладагцев. А это крайне важно для осознания извечной этнической взаимосвязанности тюркского населения Алтайской горной страны, да и всей современной Южной Сибири.

Шорский язык, как видно, тот же самый алтайский язык, которым говорим мы ныне, но только сохранивший в архаичном порядке «первоначальные тюркские формы», нежели современный алтайский и телеутский язык прошлого века. Достаточно познакомиться с произведениями прекрасного шорского фольклора, а также послушать живую шорскую речь эпических

сказаний, в основе своем телеутских, чтобы убедиться в правоте данного утверждения. Вся космология, все обряды и верования, полностью идентичные или чрезвычайно близкие к общеалтайским, также говорят в пользу первозданности и незамутненности тюркской народной культуры Алтая, сохранившейся в условиях многовековой консервации и в меньшей мере испытывавшей более поздние центрально-азиатские религиозно-философские влияния. Как целостны, естественны и прекрасны даже имена героев и героинь шорско-телутского эпоса. Настоящие древнетюркско-уйгурские имена, менее всего или совсем не тронутые напластованиями последующего общемонгольского имперского времени! Поистине можно допустить, что они впрямь наши абалары, оставшиеся на окраинных лесных пределах даже более позднего ойротского окаема... Можно, вполне вероятно, с учетом близкого родства. Но повременим все же до полной ясности, беспристрастной оценки, основанных на глубине анализа доскональных последующих исследований...

Надо ли уже ставить точку? Еще нет, пожалуй.

Сколько насчитывается шорцев по последней переписи? Уменьшилось или увеличилось? Какова степень сохранности этноса? Восстановится ли автономия? Ранее их насчитывалось порядка 16–20 тысяч.

Кто же, наконец, вспомнит и о них?!

По «Запискам алтайца» Ивана Штыгашева отчетливо просматривается, что век назад они вовсе не отличали себя этнически от всех остальных алтайцев. То же са-

мое подтверждает М. В. Чевалков в «Памятном завещании», когда описывает в обычном порядке тогдашних шоров. Из его повествования никак не скажешь, чтобы он ощущал себя у них как у посторонних людей, чужеродцев. Он повествует о них тем же тоном, как и о тубаларах, тейлесгах, кумандинцах или своих кровных телеутах как о поколениях одного и того же народа. Разве что смотрит на них, своих сородичей, несколько отстраненно глазами православного человека, как на язычников, исповедующих еще «черную веру».

Вначале обозначив себя как алтайца, а в самом конце «Записок» отметив «Житель Алтая, шорец», И. М. Штыгашев поступил в полном соответствии со своим этническим самосознанием, в котором отказывает шорцам исследователь В. М. Кимеев.

... Итак, Иван Матвеевич Штыгашев вернулся к нам. Отсюда, из Улалы, он юношей начал свой духовно-творческий путь, о котором мы знаем все еще недостаточно подробно. Посетил, выехав из Казани, Москву, Киев, христианские храмы, Кремль, Киево-Печерскую лавру, святыне для верующих христиан места, увидел древние свитки и пергаменты именно такими, какими увидел только он, зорким, безошибочным взглядом, – и как неофит, совершивший невероятное, сказочное путешествие, и как сын древнего охотничьего племени. Так, как он, мы уже никак не сможем смотреть, воспринимать, запоминать. Мы давно другие. Мы дети другого времени. И еще мы никогда не сможем увидеть Сухареву башню, первозданный Храм Христа Спасителя. И вид с Воробье-

вых (Ленинских) гор на Москву сегодня совсем не тот и вовсе не вызывает такого восторга, который он испытал 23 лет от роду.

Циничные, пресыщенные люди, кичащиеся своим атеизмом, а точнее, отсутствием собственной души, люди без веры, без убеждений, исповедующие двойную или тройную мораль, никогда не смогут оценить правильно смысл и глубину этих «Записок». Кому-то они покажутся скучными, постными, однообразными, местами даже глубоко наивными. Возможно, так оно и есть. Но, опять же, как и в какой плоскости воспринимать. Каждый судит в силу собственной испорченности. Либо ограниченности...

И вот, опять же отсюда, уже из Горно-Алтайска, он начал свой путь заново. Выехал к вечеру, на излете советского времени, в 1989 году. И все едет, едет, как впервые в тот раз, верхом на коне сквозь дремучую и страшную, хотя и родную тайгу-чернь – Аба-чыш, в неизведанное и неизвестное ему будущее. Длинной не в 300 верст из Матура до Кузедеева или в 600 верст до Улалы – центра света и знаний, а в целую вечность. Прошло 125 лет с гаком, как были написаны «Записки сына Том-Алтая», – именно так именовалась его родная земля в сибирской географической литературе того времени.

Судя по мотивам творчества, слогу и стилю письма, Иван Штыгашев занимал среднее, промежуточное положение между Чевалковым и Гуркиным. Он настоящий, ревностный неофит. В нем ликует, восславляя Бога и сотворенный им мир, душа

новообращенного христианина. Помимо представленных в настоящем издании произведений, интересны его последующие публикации из глубин Кузнецкой тайги, разбросанные в различных миссионерских изданиях конца XIX – начала XX века, немалое эпистолярное наследие. Все это настоятельно требует продолжения исследовательской и поисковой работы в освоении его творческого архива.

Мы не относимся в подавляющем большинстве своем к потомкам крещеных алтайцев. Мы не являемся кровными потомками Чевалкова, Штыгашева, Гуркина, К. Соколова и других алтайских писателей царского периода. Но именно мы заявляем о том, что их труды и творчество являются нашим наследием, неотъемлемой частью нашей духовной культуры, от которой мы никогда не откажемся. Наследуем и продолжаем. Каждое произведение – не только плод чьего-либо сердца и ума, но и продукт своего времени.

В каждом времени свои подвижники и свои путники.

Семинарист, учитель, переводчик и писатель – один из самых славных имен Алтайской духовной миссии – Иван Штыгашев тоже с нами. Его путь – и наш путь. Как и путь Чевалкова. И путь Гуркина. Если они блуждали, значит, и мы тоже. Если они увидели свет, то и мы тоже. И наши друзья. Наставники наши. Как прежде, так и ныне.

Триада. Юч-Сумер. Три вершины. Вечные, блистающие, сочлененные. Прошлое, настоящее, будущее. История, религия, культура.

Триада. Юч-Сумер. Три высоты. Алтай. Сибирь. Россия. Три твердыни. Вместе и воедино.

Будущее – будет.

Грядущее – грянет.

Так бежит время. Так течет река...

...Вокруг черные обгорелые пни от вырубленных кедров. Вдали терриконы пустой породы, наподобие серой горной гряды. Это Кузбасс. Некогда прекрасный Том-Алтай. Тут была вековая тайга, Аба-Йыш. Я сижу под могучим кедром, он чудом уцелел на круче, недоступный лесорубам. А внизу деляна, где труды лесников дали свои плоды – появился скромный подлесок из молодых саженцев. Человек рубит и губит. Но человек же сеет и сажает.

Будь у меня кыл-комус, он же топшуур, домбыра, кобыз, морин-хур, заиграл бы,

восславляя юные побеги, полные будущей, неистребимой жизни. Да, вижу, со временем поднимется новый лес, загудит, затрепещет кедров, снова забьют ключи-родники, забегают белки и бурундуки, затрещат, летая и разнося семена орехов, неумные птицы-таралки...

Так течет поток. Так идет время. Так едет юный всадник, чтоб стать со временем воином и борцом за жизнь, за свет, за добро.

Едет в сердце и устах с Богом:

– Кудайбыла!

Трускавец, Западная Украина,
сентябрь, 1989 г., – Горно-Алтайск,
слияние рек Улала и Майма, ноябрь,
2011 г.

Научно-популярное издание

Ада чир-суу – Отечество

краеведческий альманах

Выпуск 2

Составитель

Аева Марина Александровна

Редактор В. В. Чезыбаева

Компьютерный набор М. А. Аевой

Компьютерная верстка: М. А. Аевой, Т. К. Лашко

Тираж 320 экз.

ГБУК РХ «НБ им. Н.Г. Доможакова».

655017, г. Абакан, ул. Чертыгашева, 65.

Отпечатано с оригинал-макета заказчика

в ООО «Кооператив «Журналист».

655017, г. Абакан, ул. Советская, 71.

